

Неравенство образовательных шансов в цифровом измерении

Е. С. Попова¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Для цитирования	Попова Е. С. Неравенство образовательных шансов в цифровом измерении // Профессиональное образование и рынок труда. 2022. № 1. С. 55–67. https://doi.org/10.52944/PORT.2022.48.1.004
For citation	Popova, E. S. (2022). Inequality in educational opportunities in the digital dimension. <i>Vocational Education and Labour Market</i> , 1, 55–67, https://doi.org/10.52944/PORT.2022.48.1.004
Поступила Received	13 декабря 2021 г. December 13, 2021
Copyright	© Попова Е. С., 2022

Попова Екатерина Сергеевна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, ORCID: 0000-0002-9808-3152, e-mail: espopova@isras.ru

Аннотация

Предмет. Становится ли цифровизация образования ресурсом редуцирования образовательного неравенства или создает дополнительное измерение к существующему в России неравенству образовательных шансов?

Цель. Исследовать степень выраженности экономических и территориальных барьеров в образовании при учете «нового» цифрового измерения.

Методы. Исследование проведено с позиций институционального и деятельностного подходов к образованию, основано на вторичном анализе данных, полученных сотрудниками Института социологии ФНИСЦ РАН, эксплораторного анализа данных лонгитюдного обследования экономического положения и здоровья населения.

Результаты. Экономический барьер по-прежнему остается заметно высоким и с учетом динамики доходов населения все более ощутимо влияет на доступность образования. Кроме того, разные потенциалы онлайн-инфраструктуры в крупных городах и сельской местности не способствуют преодолению территориального барьера. Анализ статистических данных показал, что цифровизация образования (при наличии соответствующей и устойчивой инфраструктуры) позволяет преодолевать территориальные и экономические барьеры, а также редуцировать неравенство образовательных шансов. Однако на данный процесс существенное влияние оказывают социальный и культурный капитал семьи.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы для корректировки существующих и разработки новых программ цифровизации образования и повышения цифровой грамотности населения.

Ключевые слова: доступность образования, образовательное неравенство, образовательные траектории, цифровизация образования, человеческий капитал

Inequality in educational opportunities in the digital dimension

E. S. Popova¹

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russian Federation

Ekaterina S. Popova — Candidate of Science (Sociology), Leading Researcher at Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, ORCID: 0000-0002-9808-3152, e-mail: espopova@isras.ru

Abstract

Background. The article examines the impact of distance education on the accessibility of educational services. The question of whether digitalisation increases the chances of obtaining a quality education or, conversely, exacerbates the problem of educational inequality in Russia is considered.

Objective. To study the prevalence and height of economic and territorial barriers restricting access to education in the “new” digital realities, as well as the main factors determining the depth of educational inequality.

Methods. The study was carried out from the standpoint of institutional and activity-based approaches to education based on sociological surveys conducted by the staff of the Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. In addition, an exploratory analysis of longitudinal study data on the economic situation and health of the population was carried out.

Results. It was concluded that the economic barrier remains high and has an increasing effect of the accessibility of education considering the dynamics of the population income. In addition, the difference between the potentials of online infrastructure in large cities and rural areas does not contribute to overcoming the territorial barrier. Analysis of statistical data has shown that digitalisation of education (with appropriate and sustainable infrastructure) allows overcoming territorial and economic barriers, as well as reducing inequality of educational chances. However, this process is significantly influenced by the social and cultural capital of the family, serious specific barriers and the presence of human capital.

Practical significance. The results of the study help to adjust the existing programmes of digitalisation of education (as well as to avoid mistakes when developing new ones), to increase the digital literacy of the population.

Key words: accessibility of education, inequality in education, educational trajectories, digitalisation, human capital

Введение

Пандемия Covid-19 не только переформатировала процесс получения образования на всех его ступенях, но и актуализировала ряд дискуссий и научных изысканий, касающихся его сути и содержания. С позиции господствующего общественно-политического дискурса российское образование достойно преодолело возникшие вызовы, обеспечив непрерывность обучения, отсутствие потерь в успеваемости, повышение мобильности получающих профессиональное образование. Более того, признается, что «вынужденный перевод учебного процесса в дистанционный формат сыграл большую роль в развитии цифровизации»¹.

С другой стороны, как и в любой иной кризисной ситуации, обнажилась амбивалентная природа цифровизации отечественного образования, которая существенно влияет на данный процесс: ни педагоги, ни учащиеся, ни их социальное окружение оказались не готовы к стремительному переходу к безальтернативному дистанционному формату. При всех потенциальных возможностях онлайн-обучения существуют многочисленные социальные барьеры, которые не только не способствуют, но и ограничивают получение образования дистанционно.

Проблема образовательного неравенства – в частности, неравенства образовательных шансов² – всегда оставалась и остается до сих пор в фокусе социологических исследований (Coleman et al., 1966; Boudon, 1974; Shavit, Blossfeld, 1993; Breen, Goldthorpe, 1997; Becker, 2003; Breen et al., 2009; Collins, 2019). Дж. Коулман подчеркивал, что равенство образовательных возможностей – это равенство результатов при одинаковом индивидуальном вкладе (Coleman, 1968, с. 17). Соответственно, неравенство результатов (при равном вкладе), выраженное в достижении определенного образовательного уровня, свидетельствует о неравенстве образовательных шансов. Оно сопряжено с различными социальными и экономическими факторами и в исследовательской практике рассматривается социологами, как правило, через метафору барьера.

Под барьером традиционно понимается фактор или совокупность факторов, затрудняющих получение того или иного образования (Константиновский, 2008, с. 288), а распределение барьеров в пространстве и во времени отображает динамическую характеристику подобного неравенства (Константиновский, 2020, с. 126). На разных этапах образовательной и профессиональной траектории доминируют разные социальные барьеры, что связано как с подвижностью, относительной открытостью и гибкостью отечественной системы профессионального образования, так и с различными когнитивными и некогнитивными факторами учащихся.

Цель статьи – проследить распространенность и высоту барьеров в образовании с учетом «нового» цифрового измерения (речь в данном случае идет об образовании как о социальном институте – тип образовательной

¹ В Минпросвещения и Минобрнауки рассказали о вызовах для системы образования в пандемию [Электронный ресурс]. <https://tass.ru/obschestvo/10875667>

² В англоязычной социологической традиции – the inequality of educational opportunities.

организации или уровень обучения в расчет не принимаются). Для достижения цели необходимо охарактеризовать существующие барьеры и ответить на главный вопрос: «Преломляются¹ ли барьеры в цифровой среде?». Объектом внимания являются социально-культурный, экономический, территориальный и собственно цифровой барьеры в образовании. Кроме того, следует выявить степень влияния специфических² и институционального³ барьеров, которые с позиции деятельностного подхода в социологии образования позволяют в некотором смысле более эффективно анализировать неравенство образовательных шансов.

Методы

Исследование проведено с позиций институционального и деятельностного подходов к образованию и основано на вторичном анализе данных, полученных в результате исследовательских проектов Института социологии РАН⁴. Также был осуществлен эксплораторный анализ результатов лонгитюдного обследования, посвященного экономическому положению и здоровью населения⁵.

Результаты и обсуждение

Многолетние исследования отдела социологии образования Института социологии ФНИСЦ РАН выявляют жесткую, почти линейную связь между уровнем и качеством образования учащегося и его социальным происхождением (Константиновский, 2008, с. 289). Сопоставление

¹ Под преломлением в данном контексте понимается «изменение направления ... при переходе из одной среды в другую». Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

² К специфическим барьерам относится информированность о видах образовательных организаций и качестве образования в них, а также мотивационный барьер, который включает в себя мотивированность учащихся к обучению, стратегии социального поведения в сферах образования и рынка труда, представления молодежи об образовании, необходимом для достижения успеха в жизни (Константиновский, 2008, с. 300).

³ Анализ в плоскости институционального барьера подразумевает рассмотрение образовательной инфраструктуры, гибкости и адаптивности системы, функции селекции и воспроизводства, как и дифференциации образовательных организаций профессионального образования. В последние годы результаты исследований все чаще выявляют дисфункциональную роль профессионального образования в регионах (Касаткина, Шумкова, 2020, с. 207).

⁴ «Профессиональные и образовательные траектории молодежи в современной России» (2009–2011); «Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи» (2013–2015); «Образование, рынок труда и социальное поведение молодежи в современной экономической ситуации» (2014–2015).

⁵ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. См. подробнее: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> и <http://www.hse.ru/rlms>

жизненных шагов выпускников школ и социально-профессионального статуса их родителей убедительно показывает (рис. 1), что доля избирающих среднее профессиональное образование сокращается по мере роста социально-профессионального статуса семьи, в то время как доля избирающих высшее образование увеличивается.

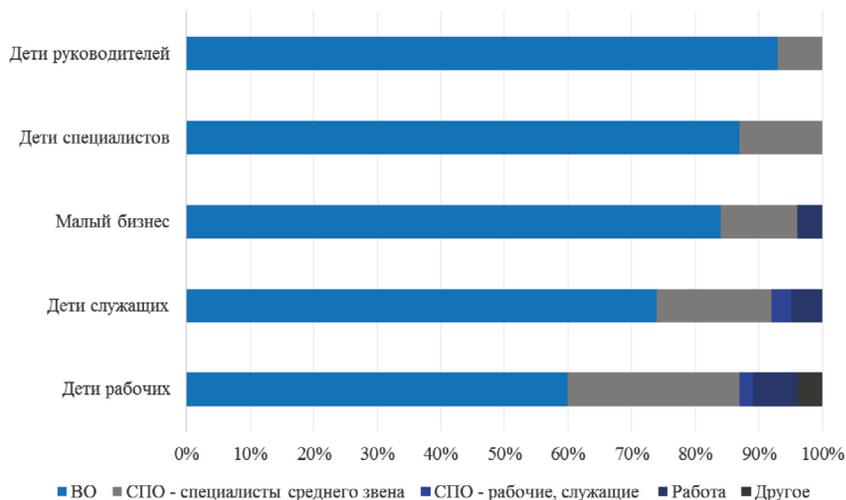

Рис. 1. Жизненные шаги выпускников средних школ (% опрошенных)¹

Социальный и культурный капитал семьи, обладая кумулятивным эффектом, становится в российских реалиях наиболее серьезным барьером: обладатели высокого культурного капитала весьма часто не имеют доступа к экономическим ресурсам и, следовательно, их шансы на получение качественного образования понижаются.

Экономический барьер в образовании является многосоставным. Помимо прямых платежей, есть и скрытые расходы, с которыми постоянно сталкиваются семьи. Эмпирические исследования и работа с вторичными данными позволяют сделать вывод, что этот барьер – весьма высокий – становится все более ощутимым: с 1999 года падают реальные доходы населения России², в социально-экономической ситуации отмечается рост коэффициента Джини (с 0,260 в 1991 г. до 0,411 в 2019 г.)³. Кроме объективного материального расслоения, обостряется и его субъективное восприятие. Подобная экономическая ситуация вынуждает корректировать

¹ Опрос проведен в Новосибирской области в 2013 г. Выборка многоступенчатая комбинированная. N = 618. Построено по: «Новые смыслы...», 2015, с. 205.

² Третий квартал 2020 года. Источник: Реальные располагаемые доходы россиян продолжили падение [Электронный ресурс]. <https://www.rbc.ru/economics/20/10/2020/5f8ef8669a79473d7d2044b5>. Росстат оценил падение реальных располагаемых доходов населения [Электронный ресурс]. <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2021/01/28/855849-rosstat-otsenil-padenie-realnih-raspologаемih-dohodov-naseleniya>

³ Коэффициент Джини в России: статистика, динамика, прогноз [Электронный ресурс]. <https://rosinfostat.ru/koeffitsient-dzhini/#i-7>

структуру расходов домохозяйств, а также выбирать более предпочтительные и эффективные (с позиции учащихся) траектории в образовании и карьере.

Зарубежные исследователи, изучая цифровой разрыв (*digital divide*), детерминирующую роль отводят именно экономическим и демографическим факторам (Smith, Graham, 2012), которые в рамках социальной стратификации разделяют людей на тех, кто выигрывает, используя цифровые технологии, и на тех, кто обречен быть аутсайдером (Green, Kryszczuk, 2006). Однако, как показывают российские исследования, к неравенству образовательных шансов (как в офлайн-, так и в онлайн-образовании) приводит не только и не столько экономический фактор, сколько принадлежность к той или иной профессиональной группе.

Территориальный барьер. Факторы, закрепляющие неравенство территорий, довольно многообразны. Мегалополисы и областные центры, по данным исследователей, всегда выигрывают с точки зрения образовательной инфраструктуры – сельская молодежь в этом плане сталкивается с куда более серьезными барьерами (Константиновский, 2020, с. 127). Сельские территории все больше превращаются в «образовательную пустыню» (Богданов, Малик, 2020, с. 398). Согласно результатам опроса для 92% учащихся зона территориальной доступности ограничивается местом проживания – при этом внутри зоны, помимо всего прочего, существует своя социальная стратификация, создающая дополнительные барьеры (Константиновский, 2008, с. 291). Сокращение доходов не позволяет населению компенсировать социальную депривацию. Неравномерная образовательная инфраструктура, потеря доходов населения фактически предопределяют депрофессионализацию образовательной траектории и, по сути, безальтернативность выбора.

Цифровизация образования порождает закономерный вопрос: помогает ли дистанционное обучение редуцировать образовательное неравенство либо, наоборот, оно не только не устраняет перечисленные выше барьеры, но и становится барьером само по себе? Или цифровизация служит лишь фоном для реализации образовательной траектории?

Анализ цифрового неравенства российских регионов, проведенный экономистами и социологами, выявил релевантную зависимость между местом проживания и использованием интернета (Грошев, Краснослободцев, 2020, с. 67). Дистанционное образование немислимо без онлайн-сети¹. Карта охвата территории РФ сотовой связью и интернетом (рис. 2) свидетельствует о том, что покрытие привязано к существующей инфраструктуре. Границы распространения кабельного интернета отличаются не сильно – чуть более других охвачены северные территории.

¹ При этом устойчивость и сила соединения остается за скобками, речь идет о наличии сигнала.

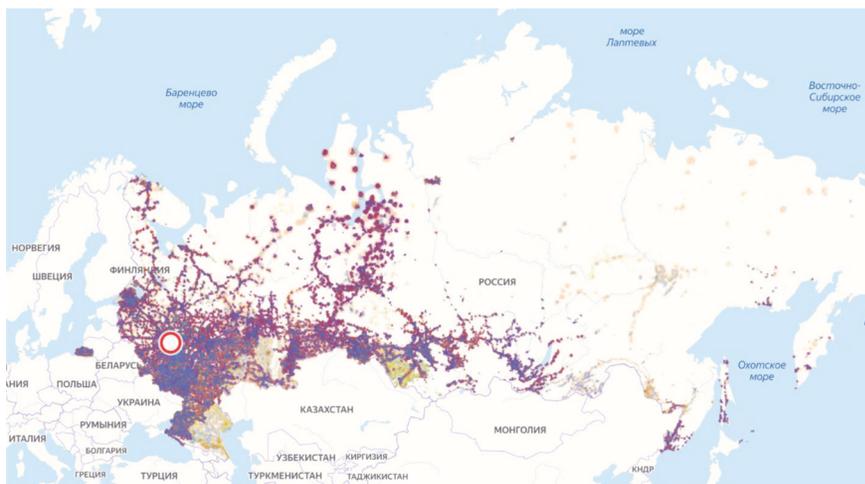

Рис. 2. Карта покрытия РФ сотовой связью и интернетом¹

Резонно предположить, что «пустыни» онлайн-образования в России на сегодняшний день куда масштабнее, чем традиционного обучения. Для прояснения ситуации обратимся к материалам «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения»².

Опрос домохозяйств показал, что доля высокоскоростного интернета плавно растет, а количество пользователей остается неизменным с 2016 года – на уровне 70% (рис. 3). При рассмотрении таких показателей, как

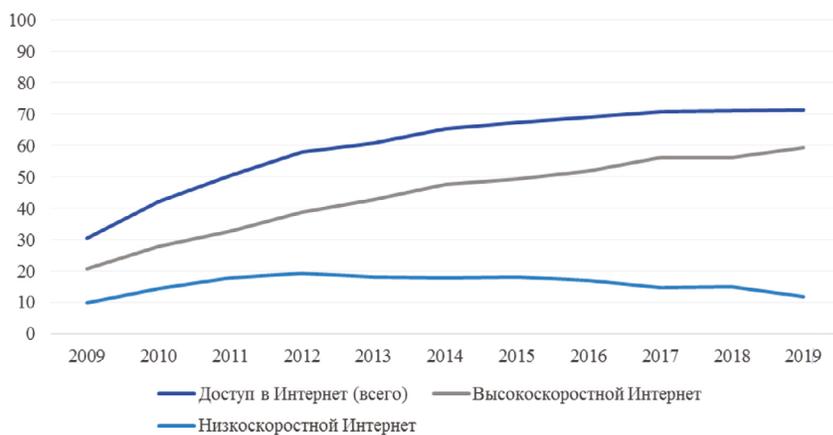

Рис. 3. Динамика доступа в интернет (% от ответивших, N = 79 544)

¹ Источник: Общая карта покрытия 3G/4G Tele2, Мегафон, МТС, Билайн, Yota [Электронный ресурс]. <https://mobilebooster.ru/post/137/karta-pokryitiya-3g4g-tele2-megafon-mts-bilayn>

² Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Объединенная база данных 1994–2019 гг. Домохозяйства. Репрезентативная выборка без взвешивания.

наличие компьютера и выхода в интернет, в зависимости от типа урбанизации, отчетливо видно (рис. 4), что возможности населения и потенциал онлайн-инфраструктуры схлопываются по мере продвижения от крупных городов к сельским поселениям. Это весьма тревожный сигнал для образования, учитывая оптимизацию сельских школ, удаленность территорий, отсутствие транспорта и иные социальные проблемы.

Рассмотренные показатели не позволяют оптимистично утверждать, что цифровизация образования поможет преодолеть территориальный барьер. Перспективы создания стабильной и устойчивой интернет-инфраструктуры пока не столь радужны.

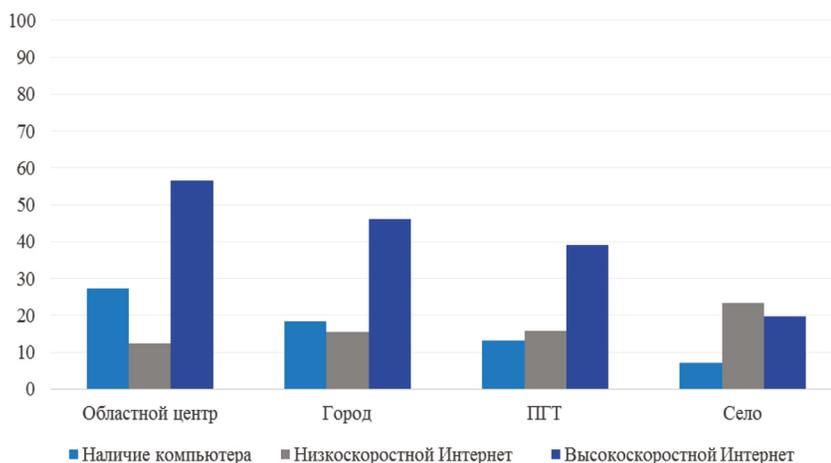

Рис. 4. Охват населения цифровыми технологиями (% от ответивших, N = 47 319)

При исследовании цифрового дисбаланса между регионами большое значение приобретают внутрирегиональные и персонифицированные характеристики самих индивидов и их домохозяйств (Грошев, Краснослободцев, 2020, с. 67). Для регулирования социального поведения в сфере образования и на рынке труда важно знать, какие именно социальные модели и роли поддерживаются в семье, в образовательной организации, в социальной среде учащегося. Здесь как раз включаются специфические барьеры, такие как мотивация, дисциплина, самоорганизация, наличие цифровых навыков. Иными словами, наличие интернета или компьютера еще не означает, что эти технологии будут использоваться акторами для преодоления барьеров и неравенства в образовании.

Проанализируем структуру интернет-предпочтений пользователей сети в зависимости от принадлежности к разным профессиональным группам¹ (рис. 5). Процент тех, кто использует интернет в качестве новостного медиа, примерно одинаков во всех профессиональных группах

¹ Опции вариантов ответа на вопрос «Вы пользовались интернетом в течение последних 12 месяцев для ...?» в опросном инструментарии «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения» существенно шире – здесь анализируются лишь некоторые из них.

(около 80%). По мере снижения уровня квалификации в четыре раза сокращается использование интернета в профессиональных целях. Иная ситуация с развлечениями: потребление развлекательных интернет-ресурсов возрастает со снижением профессиональной квалификации. Использование интернета в образовательных целях невелико – максимум 26,7% среди специалистов высшего уровня квалификации.

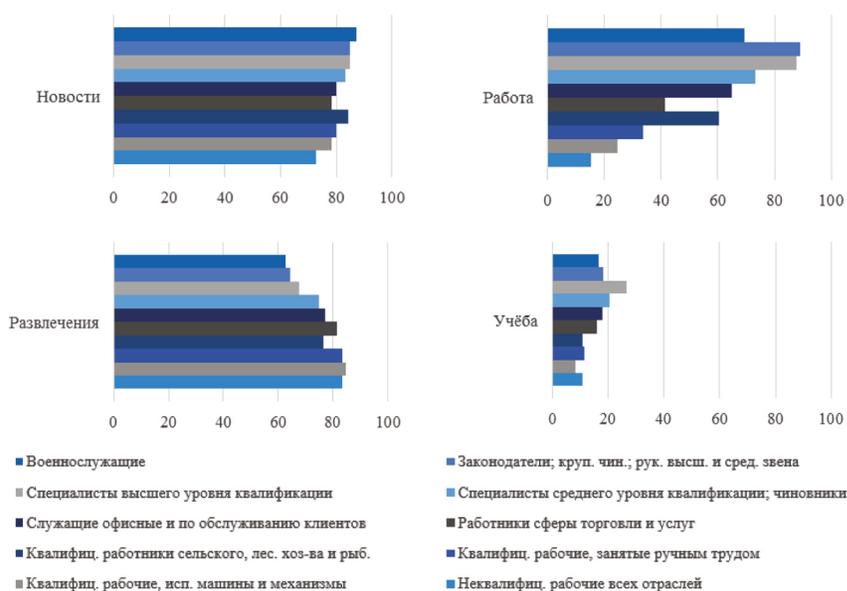

Рис. 5. Основные паттерны использования интернета
 (% от числа ответивших в профессиональной группе, N = 70 551)

В условиях современной российской действительности социальное происхождение прямо или опосредованно влияет на образовательные и профессиональные диспозиции (Магомедов, 2017), формирует определенную культуру получения образования, мотивацию и дисциплину к самообразованию, навыки использования интернета в образовательных целях. Цели потребителей интернета определяет принадлежность к той или иной профессиональной группе. Транслируемые паттерны поведения индивидов сохраняются и воспроизводятся в социальной среде. Существующий уровень цифровой обеспеченности домохозяйств (особенно в сельской местности) вряд ли изменит ситуацию. Регионально-цифровой дисбаланс и инфраструктурные особенности также не способствуют эффективной цифровизации отечественного образования.

Заключение

Рассмотренные статистические данные и показатели позволяют сделать вывод о том, что дистанционное обучение не станет «новой нормой» отечественного образования без необходимой устойчивой инфраструктуры. Цифровизация может сгладить высокие территориальные и экономические барьеры и редуцировать неравенство образовательных шансов – при условии, что удастся преодолеть влияние социального и культурного капитала семьи, значимость специфических барьеров и роль человеческого капитала. Условными бенефициарами онлайн-образования становятся те, у кого есть доступ к интернету, мотивация, самодисциплина, привычка и поддерживающая социальная среда. Таким образом, известный эффект Матфея¹ проявляется и в вопросах цифровизации отечественного образования.

С исследовательской позиции цифровизация может более отчетливо обозначить социальный и культурный капитал семьи, экономические и территориальные барьеры, то есть те показатели, которые позволяют всесторонне и многопланово оценить реальное цифровое неравенство образовательных шансов в России. В подобном социологическом срезе цифровизация становится еще одним фактором, отражающим не только социальные действия (или бездействия), но и эффективность, с которой происходит приращение человеческого капитала.

Литература

1. Богданов М. Б., Малик В. М. Как сочетаются социальное, территориальное и гендерное неравенства в образовательных траекториях молодежи России? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 391–421. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1603>
2. Прошев И. В., Краснослободцев А. А. Цифровизация и креативность российских регионов // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 66–78. <https://doi.org/10.31857/S013216250009390-2>
3. Касаткина Н. П., Шумкова Н. В. От самообразования к самозанятости: непарадный вход молодежи на рынок труда // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 201–223. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1600>
4. Константиновский Д. Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы – начало 2000-х). М.: ЦСО, 2008.
5. Константиновский Д. Л. Преодоление барьеров в образовании: исследования и социальная практика // Социологическая наука и

¹ Эффект, или закон, Матфея в условиях экспансии профессионального образования при сохранении неравенства в доступе к нему означает, что при увеличении образовательного капитала в обществе он достается прежде всего тем, кто им уже обладает, в то время как не обладающие им оказываются в ситуации еще большего социального неравенства и имеют меньшие шансы на дальнейший успех (Константиновский, 2008, с. 364).

социальная практика. 2020. Том 8. № 3. С. 125–133. <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.3.7491>

6. Магомедов М. Г. Культурный капитал семьи как фактор социальной мобильности в условиях социальных реалий современного российского общества // Гуманитарий Юга России. 2017. Том 6. № 2. С. 194–201.

7. Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования: монография / Рук. проекта Д. Л. Константиновский. М.: ЦСП и М, 2015. 232 с.

8. Becker R. Educational expansion and persistent inequalities of education: utilizing subjective expected utility theory to explain increasing participation rates in upper secondary school in the Federal Republic of Germany // *European Sociological Review*. 2003. Vol. 19. No 1. P. 1–24.

9. Boudon R. Education, opportunity, and social inequality: changing prospects in Western society. New York: Wiley, 1974.

10. Breen R., Goldthorpe J. H. Explaining educational differentials: towards a formal rational action theory // *Rationality and Society*. 1997. Vol. 9. No 3. P. 275–305.

11. Breen R., Luijckx R., Müller W., Pollak R. Nonpersistent inequality in educational attainment: evidence from eight European countries // *American Journal of Sociology*. 2009. Vol. 114. No 5. P. 1475–1521.

12. Coleman J. S. The concept of equality of educational opportunity // *Harvard Educational Review*. 1968. No 38. P. 7–22.

13. Coleman J. S., Campbell E. Q., Hobson C. J., McPartland J., Mood A. M., Weinfeld F. D., York R. L. Equality of educational opportunity. Washington, DC: US Government Printing Office, 1966.

14. Collins R. The credential society: an historical sociology of education and stratification. New York: Columbia University Press, 2019. (Reprint edition)

15. Green B. E., Kryszczuk M. D. Stability and change in household computer possession in Poland: analysis of structural determinants // *Polish Sociological Review*. 2006. No 154. P. 243–255.

16. Shavit Y., Blossfeld H. Persistent inequality: changing educational attainment in thirteen countries. NY: Avalon Publishing, 1993.

17. Smith D. T., Graham R. Household expenditures on information and communication technologies: a proposal for a digital practice model // *Race, Gender & Class*. 2012. No 3 / 4 (19). P. 161–178.

References

Becker, R. (2003). Educational expansion and persistent inequalities of education: utilizing subjective expected utility theory to explain increasing participation rates in upper secondary school in the Federal Republic of Germany. *European Sociological Review*, 19 (1), 1–24. <https://www.jstor.org/stable/3559472>

- Bogdanov, M. B., & Malik, V. M. (2020). Social, territorial and gender inequalities in educational trajectories of the Russian youth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3, 391–421. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1603> (In Russ.)
- Boudon, R. (1974). *Education, opportunity, and social inequality: changing prospects in Western society*. Wiley.
- Breen, R., & Goldthorpe, J. H. (1997). Explaining educational differentials: towards a formal rational action theory. *Rationality and Society*, 9 (3), 275–305. <https://doi.org/10.1177/104346397009003002>
- Breen, R., Luijckx, R., Müller, W., & Pollak, R. (2009). Nonpersistent inequality in educational attainment: evidence from eight European countries. *American Journal of Sociology*, 114 (5), 1475–1521. <https://doi.org/10.1086/595951>
- Coleman, J. S. (1968). The concept of equality of educational opportunity. *Harvard Educational Review*, 38, 7–22.
- Coleman, J. S., Campbell, E. Q., Hobson, C. J., McPartland, J., Mood, A. M., Weinfeld, F. D., & York, R. L. (1966). *Equality of educational opportunity*. US Government Printing Office.
- Collins, R. (2019). *The credential society: an historical sociology of education and stratification*. Columbia University Press. (Reprint edition)
- Green, B. E., & Kryszczuk, M. D. (2006). Stability and change in household computer possession in Poland: analysis of structural determinants. *Polish Sociological Review*, 154, 243–255. <http://www.jstor.org/stable/41274968>
- Groshev, I. V., & Krasnoslobodtsev, A. A. (2020). Digitalization and creativity of Russian regions. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 5, 66–78. <https://doi.org/10.31857/S013216250009390-2> (In Russ.)
- Kasatkina, N. P., & Shumkova, N. V. (2020). From self-education to self-employment: back entrance for youth to the labor market. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3, 201–223. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1600> (In Russ.)
- Konstantinovskiy, D. L. (2008). *Neravenstvo i obrazovanie. Opyt sotsiologicheskikh issledovaniy zhiznennogo starta rossiiskoi molodezhi (1960-e gody – nachalo 2000-kh) [Inequality and education. Attempt of sociological research on the life starts of the Russian youth (1960th – beginning of 2000th)]*. SFC. (In Russ.)
- Konstantinovskiy, D. L. (2020). Overcoming barriers to education: research and social practice. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, 3, 125–133. <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.3.7491> (In Russ.)
- Konstantinovskiy, D. L. (Head of the project). (2015). *New meanings in educational strategies of youth: 50 years of research*. Social Forecasting and Marketing Center. (In Russ.)

- Magomedov, M. G. (2017). Cultural capital of family as a factor of social mobility in terms of social realities of modern Russian society. *Humanities of the South of Russia*, 2, 194–201. (In Russ.)
- Shavit, Y., & Blossfeld, H. (1993). *Persistent inequality: changing educational attainment in thirteen countries*. Avalon Publishing.
- Smith, D. T., & Graham, R. (2012). Household expenditures on information and communication technologies: a proposal for a digital practice model. *Race, Gender & Class*, 19 (3 / 4), 161–178. <http://www.jstor.org/stable/43497494>